

Василий Зюбин

Собачий век

Василий Зюбин

Собачий век

«Издательские решения»

Зюбин В. М.

Собачий век / В. М. Зюбин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901942-4

У книги детективный сюжет. Но главное здесь не поиск разгадки преступления. Это, пожалуй, первая попытка осмыслить положение человека в погонах в сложное, по-настоящему трагическое время конца XX века, когда рухнул Союз Советских Социалистических Республик. Автор передал атмосферу, которая царила в центральном аппарате Министерства обороны России во времена предательской политики Бориса Ельцина и его приспешников.

ISBN 978-5-44-901942-4

© Зюбин В. М.
© Издательские решения

Содержание

1		6
	«Артиллеристы, Сталин дал приказ»	7
2		13
	Невлезай советует: «Не влезай!»	13
3		15
	Секрет полишинеля	15
4		18
	Ночной полет	18
5		22
	Заблудившийся одуванчик	22
	Конец ознакомительного фрагмента.	24

Собачий век

Василий Михайлович Зюбин

© Василий Михайлович Зюбин, 2018

ISBN 978-5-4490-1942-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлой памяти «непобедимой и легендарной» посвящается.

В. Н.

Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства – подполковничий чин и болезненная, полуголодная старость.

Генерал А. И. Деникин. Очерки русской смуты

1

«Артиллеристы, Сталин дал приказ»

Усатый прапорщик придирчиво изучал пропуск Корнеева, тянул время, явно демонстрируя высокую степень своей бдительности. Вот уже третий год по несколько раз в день он пялился в этот красный кусочек картона и, конечно же, давным-давно наизусть знал не только фамилию, имя и отчество Корнеева, но и все штампы-допуски. Замысловатые значки, определяющие степень свободы в перемещениях по красным изрядно потертым ковровым дорожкам Министерства обороны. Прапор даже здоровался с офицером, если доводилось столкнуться, скажем, в лифте, но сейчас он на посту, а значит, надо ломать эту комедию, для видеокамеры, которая расположилась напротив. Кто знает, может быть, как раз сейчас командир роты охраны смотрит на него?

Корнеев терпеливо дожидался окончания действия спектакля «одного зрителя». Он не был новичком в армии. За время своей службы научился и ждать, и догонять. Два, как всем известно, самых противных занятия в жизни.

Он четыре года терпеливо ждал окончания училища, зачеркивая дни в календаре; пять лет ждал перевода «на большую землю», когда служил на Сахалине. Затем, когда, вдоволь помотавшись по отдаленным гарнизонам, впервые попал служить в крупный город (даже троллейбусы ходят!), четыре года ждал получения заветного ордера на свою первую офицерскую квартиру. Тогда Корнеев был уже подполковником. А сейчас (в этом он, правда, не хотел признаваться даже самому себе) он ждал увольнения в запас...

Прапорщик вернул пропуск, взял под козырек. Один шаг – и Корнеев оказался в сутолоке чуждого и непонятного для него «гражданского» мира. Министерство обороны при всем бардаке, который здесь почему-то называют военной реформой, при всем идиотизме (он здесь так же неистребим, как запах кирзы и несвежих портянок в солдатской казарме) все-таки было своим, знакомым миром. Восьмиугольное здание Министерства обороны, словно остывающий осколок Советского Союза, инородным телом торчало посреди одной из самых шумных, размалеванных иностранной рекламой улиц Москвы.

Корнеев не идеализировал атмосферу, царившую в министерстве, и в то же время не рисовал все черной краской. Он принимал её такой, какая она есть. Так спокойно умный человек встречает неизбежную старость, а за ней и смерть.

Шестьдесят два шага от третьего подъезда до входа в метро «Арбатская» Корнеев всегда старался пройти как можно быстрее, впрочем, не сбиваясь на бег. Хотя он был одет в гражданский костюм («гражданку», как говорили офицеры), но шутивого правила не нарушал. Известно, что бегущий полковник в мирное время вызывает смех, а в военное – панику.

На гранитном ограждении здания любили «тусоваться» алкаши и всякая арбатская рвань. По какой-то непонятной ему причине их здесь не трогала милиция. Каждый рабочий день приходилось, словно сквозь строй, проходить мимо этой разношерстной, опустившейся публики: утром усиленно опохмелявшейся, вечером – пьянствующей заново. Их опухшие, обильно разукрашенные синяками и ссадинами лица вызывали омерзение и жалость одновременно. Здесь они пили дешевую водку, блевали и спали. Мочились чуть в стороне, за углом: у закрытого резервного входа в здание министерства. Когда запах мочи достиг носа командира комендантской роты, он стыдливо приказал этот угол здания отгородить. Так появилось между вторым и третьим подъездом Министерства обороны странное сооружение, чем-то напоминающее могильную ограду. Несколько намертво скрепленных между собой металлических звеньев ограждения, тех, что использует милиция для направления людских потоков на различных массовых мероприятиях, по идее коменданта, должны были стать непреодолимой преградой для нарушителей общественного порядка. Алкаши, правда, мочились здесь по-

прежнему, но теперь их мутные вонючие струи хотя бы не добивали до двери Министерства обороны.

Корнеев, проходя мимо этого странного сооружения, невольно ловил себя на крамольной мысли: не за этой ли «могильной оградкой» покоится достоинство некогда великой армии?

Как-то в один из студеных январских дней здесь же, около третьего подъезда на гранитном парапете, Корнеев увидел труп перепившегося бедолаги. Тот лежал на спине с открытым ртом, из-под задранной рубашки желтела слегка припорошенная снежком кожа живота. Прохожие, боязливо бросали взгляды на «жмурика», шли своей дорогой. Тело пролежало до обеда, пока не приехала труповозка. В ту зиму она не справлялась с работой.

Раньше, при «проклятом социализме», здесь было ограждение. Здание Министерства обороны можно было обойти только против часовой стрелки, мимо кинотеатра «Художественный». Потом пришла «демократия», и общественность, конечно же, не смогла вынести такого ограничения свободы. Больше того, совсем рядом со зданием Министерства обороны был сдан участок земли под магазины.

– Интересно, кто истинный их владелец? Не иначе ЦРУ или «Моссад», – думал Корнеев каждый раз, проходя мимо магазинов. – Ведь и ежу понятно, что к зданию тянутся секретные кабели, да и современная шпионская техника может творить чудеса на таком близком расстоянии. Но кому до этого сейчас дело? Врагов, по мнению политиков, у нас уже нет – кругом одни заклятые друзья.

Моросил противный осенний дождь. Бичи жались под небольшим козырьком у входа в метро. Газета с остатками скудной закуски и пластмассовыми стаканчиками, оставленная на гранитном парапете, уже промокла. Открывать зонт Корнеев не стал, спешил. Его новая шерстяная полуспортивная куртка на «молнии» заискрилась капельками воды. Сегодня он был «при параде», так как намечалась встреча с Надей.

Их дружба была какой-то странной и непонятной. Трудно даже представить, что могло сблизить два таких совершенно разных человека. Ей чуть больше двадцати, ему сорок пять. Она из тех провинциалок, которые регулярно приезжают «покорять» Москву. Он же недолюбливал этот город. Просто жить именно здесь распорядилась его военная судьба. Случай, надо честно сказать, уникальный. Попасть в «Арбатский военный округ», как в шутку называют Министерство обороны, – заоблачная мечта офицеров дальних гарнизонов.

Надя от природы была хороша собой. Многих мужчин привлекала её стройная фигура с красивой пышной грудью. Впрочем, последнее обстоятельство с головой выдавало ее происхождение: у городских девушек такого бюста теперь не встретишь. Экология и стрессы, видимо, тому виной. Досадным изъяном фигуры Нади были разве что ноги: неестественно худые, невыразительные. «Кузнечик в юбке», – подумал Корнеев при их первой встрече. Так он ее и стал называть, скрывая «этимологию» этого ласкового обращения.

Корнееву нравилась эта девушка далеко не из-за внешности. Он видел в ней отражение самого себя. Ее упорство, самостоятельность (она была сиротой и привыкла надеяться только на свои силы) ему импонировали. Надя работала в главке уборщицей и очень тяготилась этой должностью. Ей, красивой молодой девушке, стоило больших душевных мук ходить со шваброй перед офицерами, но деваться было некуда. Это был единственный шанс в её жизни самостоятельно (не считая варианта удачного замужества) получить, пусть и нескоро, квартиру в Москве. Для нее и других женщин хозяйственной комендатуры это и было главным стимулом в работе. Зарплату им Министерство обороны платило очень скромную, почти символическую. Наде, так же, как и офицерам главка, приходилось, есть просроченные консервы, на всем экономить, во многом себе отказывать. И все равно к концу месяца она еле-еле сводила концы с концами в своем бюджете. Как и любой девушке, ей хотелось быть красивой и модно одеваться. К своим вещам Надя относилась очень бережно. Они всегда были идеально чистые, выглаженные, но выглядели очень скромно. Зато какой радостью светились её глаза, если уда-

валось прийти на свидание в обновке! Теплая и нежная волна подкатывала к сердцу Корнеева, когда Надя кружилась, показывая новую кофточку: «Как тебе, нравится?»

Он интересовался ценой, дескать, не дорогая ли покупка, хотя прекрасно видел, что эту обновку Надя приобрела далеко не в «бутике»: сама связала крючком.

...Голова слегка шумела, хотя выпил он сегодня не больше двухсот граммов водки: норма по «арбатским» понятиям мизерная. Чтобы уменьшить до такого минимума «дозу», пришлось имитируя питейную солидарность, чокаться минеральной водой, а водку тайком выливать в цветочные горшки или под стол. Просто отказаться от ставшей традиционной попойки в пятницу («тяпницу», как ее называли офицеры) – означало бросить вызов коллективу, что он делать не хотел. Корнеев дорожил мнением своих товарищей, хотя и не одобрял их бесшабашное пьянство по поводу и без. А повод для возлияния всегда находился весьма благовидный: кто-то получил очередное звание, у кого-то день рождения или повышение по службе, кому-то вручили орден и так далее.

Вот и сегодня уже с обеда все дела незаметно отошли на второй план. Постороннему взгляду трудно было заметить перемену: офицеры так же сидели за своими рабочими местами, шуршали документами или стучали по клавиатуре своих компьютеров, но это была только видимость работы. Настоящая жизнь кипела в курилке. Здесь решались «глобальные» проблемы, по сравнению с которыми извечные вопросы русского бытия «что делать?» и «кто виноват?» просто бледнеют. Надо было определиться, во-первых, сколько купить бутылок водки, во-вторых, кто за ней побежит. Эти сложные вопросы обсуждали майор Степанов и подполковник Петренко.

– Слава, это я тебе говорю, формула проверена жизнью: от количества ртов надо отнять единицу, и получим искомую цифру. Скильки нас буде? – подполковник Петренко в подобные ответственные минуты нередко делал вставки на «ридной мове». Он загнал «Приму» в угол рта, зажмурил от едкого дыма один глаз и начал загибать короткие желтые от никотина пальцы. – Из нашего отдела Петрович, шеф, Студент...

Подсчитать заранее количество участников «тяпницы» – занятие, надо сказать, совершенно безнадежное. Офицерская пьянка – явление сродни стихийному бедствию, а значит, слабо поддающееся прогнозированию. У нее, как у революции, есть только начало. Гораздо легче угадать, какое число выпадет в рулетке, чем сколько ртов будет сегодня участвовать в «тяпнице».

Стоит только откупорить первую бутылку водки, как все расчеты летят к черту. Приходят какие-то новые люди, заглядывают с ополовиненными бутылками «делегаты» из соседних кабинетов: «от нашего стола вашему». Совершенно неожиданно появляются давно уже уволенные в запас офицеры. Трезвые, они, как правило, демонстрируют свои мобильные телефоны и «пейджеры», хвастаются крутизной, большими зарплатами: «Под тонну „баксов“ ломит». А позже, когда изрядно примут на грудь, заводят совсем другую песню: «При всем при том здесь я чувствовал себя го-су-да-рст-вен-ным человеком! Понимаешь?! А там (неопределенный кивок в сторону темного окна, выходящего на Арбатскую площадь) я – дерьмо».

Сегодня организация «тяпницы» облегчалась: надо было купить только водки и хлеба. Накануне офицеры получили продпак и каждый «зачаил» от семьи его часть. Оправдание такого «урезания» семейного довольствия было стопроцентным. Просроченные рыбные консервы и тушенку, как шутили офицеры, поставленную еще американцами по ленд-лизу, можно было есть только под водку. Без такой «дезактивации» легко отравиться.

В последние годы армейские тыловики обнаглели до такой степени, что, не стесняясь, «впаривали» тухлятину даже офицерам центрального аппарата. Те матерились, но брали. Куда деваться? До зарплаты надо как-то дожить. Тем более что денежную компенсацию за продпак не платили вовсе, а тут – хоть с риском для желудка, но все-таки можно было что-то

съесть. Часть явно бомбажных банок выбрасывалась сразу, часть под водку съедалась в качестве закуски, остальное, более или менее съедобное, несли домой.

Собирались в самом дальнем кабинете, прозванном «греческим залом». Такая «дислокация» давала возможность большому начальству делать вид, что они не знают о пьянке. Стол с любовью накрывался белыми листами бумаги газетного формата. Кстати сказать, Корнеев никак не мог понять, откуда она бралась. С бумагой (да только ли с ней!) в главке была напряженка. Офицеры уже давно писали на обороте каких-то старых документов, оставшихся со времен Советской Армии, или в лучшем случае на пожелтевших бланках «Боевых листков». Секретные документы исполнялись на обороте топографических карт, разрезанных по формату стандартного листа. При этом, правда, существовало строжайшее правило: начальству на высочайшую подпись надо было нести документы, исполненные исключительно на дорогой офисной бумаге. Где ее взять, до этого начальству не было решительно никакого дела. Не генеральское это дело – вникать в такие пустяки!

Картриджи для принтеров, бумагу, папки, скрепки и прочую канцелярскую дребедень уже давно офицеры покупали вскладчину, что всегда вызывало недовольство. Впрочем, не очень бурное.

«Ни цента на военные расходы» – отпускал свою дежурную шутку Петрович и, уже совсем тихо что-то пробурчав себе под нос, первым начинал рыться в карманах в поисках мятой десятки, припасенной на бутылку пива.

...К сервировке стола не подпускался абы кто. Тут нужен был человек проверенный и выдержанный. Таким и был полковник Еремеев Иван Петрович, «в миру» просто Петрович. Службу он честно служил. В свое время славно помотался по гарнизонам, воевал в Афганистане, был в каких-то совершенно засекреченных заграничных командировках (о чем до сих пор помалкивал). И Москве успел пообгесаться, набраться житейского опыта. Был он человеком абсолютно бескорыстным и незлобивым. В его добрых глазах читалась мудрая фраза, сказанная древним пророком, «Все пройдет». Казалось, нет ничего на свете, что могло бы вывести его из душевного равновесия или удивить. Петрович раньше занимал высокие должности, имел в подчинении большие коллективы людей, но сейчас довольствовался весьма скромным положением старшего офицера и в отличие от других своих коллег не любил трепаться на дежурную тему: «бросить бы все к чертовой матери и уволиться».

Петрович выслужил уже все возможные и невозможные сроки службы, у него была квартира, но увольняться он не спешил. Проводы офицера в запас, когда было принято говорить только хорошие слова об увольняемом, он саркастически называл «генеральной репетицией похорон». Этот черный юмор не был беспочвенным. Давно известно, что два-три года после увольнения – критическое время в жизни каждого запасника. Трудно сказать, отчего, но многим офицерам именно этот срок отводится судьбой пожить на пенсии. А потом в холле главка рядом с часовым появляется старая солдатская тумбочка, покрытая красной тряпицей, на ней – фотография в черной рамке. Идущие на службу офицеры на мгновение останавливаются, пробегают взглядом по датам рождения и смерти, вздыхают, удивляются: «Недавно же на проводах гуляли». И спешат на свое рабочее место разгрести кипу документов, как всегда, жутко срочных и жутко секретных. «Memento mori» – мудрость не для них...

Петрович подходил к сервировке стола очень серьезно. Его как большого специалиста отпускали в «греческий зал» помогать виновнику торжества за час до времени «Ч». Как хирург, он тщательно и не спеша мыл руки, подходил к накрытому белой бумагой столу и начинал свое почти священнодействие.

Хлеб резал большими, но аккуратными ромбиками, горкой складывал их на крае стола. В центр ставил мастерски вскрытые банки с тушенкой, вокруг размещал бутерброды со всем, что Бог с начпродом послал. Бутерброды с кабачковой икрой неизменно украшались «олимпийскими» кольцами репчатого лука. Колбаса (если ее покупали) нарезалась не толще папи-

росной бумаги: главное, чтобы вид был. При особой предприимчивости очередного «виновника торжества» к столу подавалась горячая картошка. Путем сложных многоступенчатых переговоров с буфетчицей Клавой иногда удавалось раскрутить ее на такую щедрость. Небескорыстно, конечно. Но конкретные условия столь важной сделки всегда оставались мужской тайной.

С особым чувством Петрович резал на салфетки часть с таким трудом добытой офисной бумаги. Но никто из руководства не смел пресечь расточительство. Скажет, как отрубит: «На наши кровные куплена!»

Все в его руках летает, как у опытного картежника карты при раздаче, но ни тебе крошки, ни капли масла на бумажной скатерти не будет. Дай в распоряжение Петровича приличную посуду, а не разномастные тарелки и чашки, он бы запросто смог и в Кремле стол по всем правилам накрыть.

Попытки нетерпеливых «дегустировать» блюда Петрович тут же строго пресекал. Офицеры знали это, потому давились слюной, но никто и близко к столу не смел подойти. И вот наступает торжественная минута. Петрович дает свою коронную команду, разделяя её по всем строевым законам на подготовительную и исполнительную: «Нале-е-е-е-вай!» И после этого уходит в тень, куда-нибудь в дальний угол комнаты. До конца пьянки его уже никто не услышит. Теперь слово командиру для первого тоста.

Корнеев не любил пить водку, но такие застолья были отдушиной в серых буднях. Только здесь после нескольких рюмок можно было вновь ощутить ту знакомую ему атмосферу офицерского братства, вспомнить дорогие сердцу эпизоды службы в прежней, Советской Армии.

После традиционного третьего тоста «За погибших» регламент, как правило, ломался. Все сразу начинали говорить каждый о своем, естественно, наболевшем. О чем бы ни заходили речь, неизбежно выходили на сравнение «тогда – теперь». Причем сравнение это всегда было не в пользу службы нынешней.

– Николай, представляешь, сегодня на складе мне выдали... красные носки! Раньше красными революционными шароварами награждали, а нас, значит, носками осчастливили. – Обращаясь к Корнееву, но нарочито громко, чтобы слышали другие, сказал подполковник Петренко. – Я у кладовщицы спрашиваю, мол, к парадной форме носки такие революционные положены или как? А она: «Не хотите, не берите, не я их закупила». Да если бы я в таких носках вышел на строевой смотр в училище, мой старшина скончался бы не приходя в сознание.

– Если нашим снабженцам хорошо на лапу дать, они и бабские колготки закупают вместо портянок. – Тут же поддержал тему полковник Кологуров. – Это у нас на складе ничего нет, зато на «Птичьем рынке» богатый выбор армейского обмундирования. Были бы «бабки».

– Что ж ты мне предлагаешь за свои кровные и форму покупать? Может, там же и пистолет прикупить, а то мой давно на складе пылится, – включился Степанов. Он был уже на взводе. В его руках была довольно вместительная «плошка», и он добросовестно осушал ее после каждого тоста.

– Что вы разнылись, им бедным «трусы в скатку» не выдали. Да с нами вообще считаться нечего, – разошелся тоже уже крепко поддатый полковник Маслов из соседнего отдела. Ему, видимо, удалось пообедать с пивом. – Все мы клят-во-пре-ступ-ни-ки. Такую страну проспали! Надо гнать взащей всех, кто говорил священные слова: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь...» Всех, засранцев, до единого!!! И гнев трудящихся, о котором мы с выражением говорили, на наши головы еще обрушится.

– Взащей! Ну, ты загнул. А кто же Родину защищать будет? – удивляется Петренко.

– На карту посмотри, защитничек сраный. Твоя «ридна хата» за границей оказалась, а ты глазом не повел. Все проспал. – Маслов набылчился. В его руке хрустнул пластмассовый стаканчик, и водка сквозь пальцы потекла на стол. – У тебя полстраны втихаря оттяпали, ты эми-

грантом стал, никуда не уезжая, а сейчас о носках каких-то плачешься, да о квартирке теплой московской мечтаешь, пенсии сытной. Тебе ведь все остальное по х... Только не будет тебе квартирки-то, не будет! И пенсии ты сытенкой не дождешься. Предатели ни в одной стране в чести не были. Их кормить никто не будет. И нас не будут! Пока последний офицер, присягавший Советскому Союзу на верность, не уйдет в отставку – армию будут бояться и держать на голодном пайке!

Страсти накалялись нешуточные, раз в ход пошла ненормативная лексика. И тут всегда важно найти такой тост, который всех бы успокоил, смягчил. Полковник Смоленский Николай Ефимович, заместитель Корнеева, а по призванию и зову души – вечный тамада, в этом деле толк знал:

– Предлагаю выпить за милых дам!

Как тут не выпьешь, не захрустишь соленым, пусть и чуть отдающим плесенью огурцом. Спор стихает. Компания распадается на группы. В каждой возникает новая тема. Все стараются выплеснуть, что на душе накопилось, и в ответ получить так необходимое понимание. Кто-то вспомнил лето и свою пляжную «лав стори». Другой чуть ли не в ролях рассказал забойную историю, как начфин главка занимал деньги у знакомого директора ресторана, чтобы выдать офицерам командировочные перед отправкой в Чечню.

Когда все обиды и тревоги уже выплеснулись наружу, разговоры стихают. Душа просит песни.

– Не затянуть ли нам традиционную? – звучит риторический вопрос, и тут же несколько голосов затягивают: «Артиллеристы, Сталин дал приказ!»

Их с готовностью подхватывают остальные: «Артиллеристы, зовет Отчизна нас!»

Поют громко, не таясь, во весь голос, почти самозабвенно. И весь протест против беспросветной и унижительной нынешней жизни, вся горечь о безвозвратно ушедшем времени их офицерской молодости вкладываются в слова припева: «Артиллеристы, Сталин дал приказ!»

И плевать на то, что этажом выше у дежурного по главку крыша начинает ехать: он ведь в ответе за порядок и дисциплину. Плевать на все начальство разом (сейчас сюда оно не сунется, себе дороже). Плевать на прохожих, спешащих по своим делам по Знаменке, до которых доносятся слова теперь уже ставшей крамольной песни. На все плевать! Дрожат стекла в окнах Министерства обороны: «Зовет Отчизна нас!!!»

На этой высокой ноте Корнеев всегда и покидал «тяпницу». Знал, дальше уже ничего толкового не будет. Мужики вконец одуреют от водки, начнут нести разную чушь, потом обязательно (независимо от количества выпитого) пойдут куда-нибудь добавлять и «лакировать». Знал он и другое: Петрович уничтожит все улики «тяпницы». Все уберет, поручит кому-нибудь из крепко стоящих на ногах ответственную миссию: захватить с собой сверток с пустыми бутылками. (Оставлять в туалете тару строжайше запрещено). А если кто-то из офицеров совсем уж переберет свою норму, что случалось крайне редко, проводит домой. Иногда молодые офицеры даже в умеренном подпитии просили его об этой услуге. Дело в том, что никто так не мог успокаивающе влиять на женщин, как Петрович. Даже самых решительных и агрессивных настроенных жен он легко обезоруживал своей доброй, мудрой улыбкой.

И на этот раз Корнеев нашел причину вовремя покинуть «тяпницу». Дежурный по главку сообщил, что его срочно вызывает генерал-майор Скорняжный. Вызов в столь неурочный час ничего хорошего не предвещал.

2

Невлезай советует: «Не влезай!»

У памятника Пушкину на этот раз никого не было. Дождь усилился, и традиционное место встреч временно опустело. Корнеев сначала подставил лицо холодным струям дождя, затем раскрыл зонт и заступил на брошенный всей армией влюбленных москвичей «пост номер один». Свежий осенний воздух выгнал часть водочных паров, голова немного просветлела. Однако по-прежнему неоновая реклама светила неестественно ярко, а звуки улицы были особенно резкими. Корнеев знал: это верный признак опьянения.

Шагая по мокрым листьям, устилавших мостовую, он невольно вспомнил своего училищного «Невлезая». Курсантом, когда приходилось нести службу в карауле, охранять склад ГСМ, было у него одно развлечение. Чтобы как-то скоротать время, он мысленно разговаривал со... столбом. Точнее сказать, с табличкой, которая висела на нем. Черный череп, перекрещенные кости и внизу надпись: «Не влезай, убьет!» Табличку эту рисовал какой-то курсант, не лишенный чувства юмора, и черепушка получилась у него совсем не страшная, скорее даже трогательная, с каким-то хитрым прищуром. Вот её-то и назвал Корнеев «Невлезаем». С ним и вел свои мысленные диалоги.

«Привет, Невлезай!» – здоровался Корнеев со своим виртуальным другом при заступлении на пост и так же прощался с ним, когда приходила смена. За разговором, как известно, время летит незаметно. «Беседовали» они в основном о будущей лейтенантской жизни. Невлезай был замечательным собеседником: он в отличие от большинства товарищей Корнеева умел слушать.

– Представь, старина, просторную комнату, свет льется из окна, и я затаскиваю свой дембельский чемодан, ставлю его по центру, сажусь покурить. Курю долго, не спеша, в свое удовольствие. Эта комната – мой остров. Это часть моей суши, окруженной со всех сторон стенами. И уже туда никто не сунется без стука! Там никто не сможет устраивать шмоны, искать «гражданку» и другие «недозволенные курсанту вещи». Что захочу – то и прилеплю на стену. Хоть сто голых баб, хоть – «Битлов». Никто не посмеет сорвать! А если я положу на подоконник пачку сигарет, она там может лежать бесконечно долго и не испарится. Представляешь, какой это кайф!

– А как же Она?

– Замечание дельное, Невлезай. Может быть, и Она будет где-то рядом. Светлая, тихая, как лесной ручеек. Подойдет сзади, обнимет за плечи и спросит: «Ты не устал?» Да, именно это спросит. Вопрос, уж ты мне поверь, который никто никогда мне в жизни не задавал.

...Нади все не было. Корнеев посмотрел на часы: без четверти девять. Они договаривались встретиться в восемь. Николай чувствовал, что топчется здесь напрасно, но уходить не хотелось. Его ждала комната с традиционным холостяцким бардаком и пустым холодильником. После бурного разговора с генералом Скорняжным идти в свою холодную берлогу было особенно противно. Нет, он никогда не делился с Надей своими служебными делами, просто хотелось поговорить с кем-нибудь, заглушить эту ноющую боль одиночества.

В Москву он приехал уже холостяком. «Семейная лодка разбилась о быт», и как ни странно, после получения их первой офицерской квартиры. Её ждали, о ней мечтали, думали, что она принесет счастье в семью, но получилось наоборот. На какой-то период, правда, действительно все устроилось: обживали квартиру, жена нашла работу. А когда как снег на голову свалилось новое назначение (теперь ему предстояло служить на Кавказе), оказалось, что

на этот раз ехать ему придется одному. Жена, уставшая от переездов по дальневосточным гарнизонам и вокзальной жизни, тихо, но решительно сказала: «Хватит».

Развелись они так же тихо и спокойно. Делить им было нечего: ни детей, ни богатства офицерская жизнь не принесла. Единственное, что было нажито, – просторная, светлая, хотя и однокомнатная квартира с окнами в тихий дворик. Затеять размен и дележ у Корнеева даже в мыслях не было. Он оставил жилье теперь уже бывшей жене, покидал рубашки в свой старенький «тревожный» чемодан и уехал на Северный Кавказ.

Заметим попутно, что перевод в Москву произошел гораздо позднее, когда, говоря газетными штампами того времени, «задули ветры перемен». Вот его «сквознячком» случайно и затянуло в Москву. Тогда, на стыке эпох, кадровики какое-то время с испугу притаились и перестали брать взятки. Одним словом, повезло. Ведь Корнеев принадлежал к тому очень редкому при всех режимах, а ныне и вовсе вымирающему «подвиду» управленцев, которые взятки не дают и не берут.

Он еще несколько раз, не торопясь, обошел свой пост у памятника классику, мысленно съехидничал: «Александр Сергеевич, облом сегодня вышел насчет «чудного мгновения». Затем скомкал и выкинул теперь уже ненужные билеты в кино и направился в метро.

Забиться хотя бы на время с Надей не удалось, и тяжелые мысли, которые он так усиленно гнал от себя весь день, вернулись. Предчувствие беды полоснуло по сердцу. Сам себе тихо сказал: «Коля, прислушайся к совету своего старого виртуального друга Невлезая. Не влезай в это дело!»

3

Секрет полишинеля

«Отвоевав» себе немного жизненного пространства в углу вагона метро, Корнеев достал газету и пробежался взглядом по заголовкам: «Громкое убийство в Сокольниках», «Проститутки отстаивают свои права», «Мать выкинула пятилетнюю дочку в окно». Читать не хотелось. Он целый день анализировал сводки происшествий и преступлений, совершенных в армии, и был сыт по горло чернухой.

Городскую молодежную газету Корнеев покупал регулярно, но не из-за большой любви к ней. Напротив, он презирал ее за пошлый, шутовской тон, за публикацию телефонов персональных домов под рубрикой «Досуг». За то, что при чтении материала на любую тему невольно в воображении возникал образ журналиста: эдакого наглого, самоуверенного, циничного и весьма сексуально озабоченного молодого повесы. Не о нем ли у Есенина:

«Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою».

И все же Корнеев покупал «Галльон таймс», как он окрестил эту газетенку, там можно было прочитать многие армейские и прочие околовоеенные новости «с душком», которые не смела публиковать официальная «Красная звезда». Не исключением был и сегодняшний номер.

Именно этой газетой угрожающе тряс сегодня вечером перед лицом Корнеева генерал-майор Скорняжный. Его лицо было красным и злым, он не особо подбирал выражения:

– Подонки! Кто посмел?! Что за «пятая колонна» у вас завелась?! Нет, вы отдаете себе отчет?! Вы понимаете, что это преступление?! Понимаете, я вас спрашиваю?!!

– Товарищ генерал...

– Молчать!!! Даю вам три дня на служебное расследование. Потом этим займется военная прокуратура. Тут же секретная информация. Кто имел к ней доступ?!

– Не готов доложить.

– Мне! Список!! Срочно!!! Всех проверить! Найти!!! Уволить!!! Нет, судить!!! Но пока идет служебное расследование, о нашем разговоре никто, слышите, никто не должен знать! Трое суток, товарищ полковник, вам. Все! Идите! Вон!!!

Корнеев, который раз уже за сегодняшний день перечитал публикацию журналиста Бергмана, но так и не мог понять: что так сильно вывело из себя генерала Скорняжного. Человека, о котором шла молва как о суперосторожном и суперживучем чиновнике.

Скорняжный Владимир Сергеевич был генералом а-ля Наполеон, правда, сходство это начиналось и заканчивалось его малым ростом. Разговаривая с человеком, имел привычку время от времени приподниматься на носки, он как бы весь рвался ввысь. При этом на его лице, изъеденном оспинами, блуждала улыбка, от которой веяло не теплом, а скорее вечной мерзлотой. Бегающие небольшие острые глазки, цепкие, как рыболовные крючки, только усиливали негативное впечатление.

СВ (прозвище, данное офицерами за его сибаритство) освоил науку выживания в центральном аппарате лучше, чем науку побеждать. Как осьминог в случае опасности испускает чернильное облако, так Владимир Сергеевич при малейшей опасности «испускал облако» справок, отчетов и планов. Его нисколько не смущало, что они, как правило, не имели ничего общего с реальной жизнью, главное – на хорошей бумаге и без исправлений. Благодаря этой его способности или другой, неизвестно, но факт остается фактом: только ему одному уда-

лось пережить уже восьмое (!) реформирование главка. Больше того, он смог продвинуться по службе: сделал неплохую карьеру от старшего офицера до начальника ведущего управления. Злые языки даже новую единицу измерения придумали – один СВ. Это единица выживаемости. При десяти СВ человека можно смело выбрасывать в шторм за борт, при сотне – на Луну без скафандра, в обоих случаях человек обязательно выживет.

СВ с офицерами всегда был предельно вежлив. Он твердо усвоил истину: в центральном аппарате неизвестно «за кем кто стоит», поэтому не стоит нарываться. И сегодняшний срыв на крик должен был иметь под собой очень весомый повод. Не верилось, что обычный отчет о командировке в Чечню журналиста Бергмана тому причиной.

Корнеев хорошо знал, как пишутся подобные газетные материалы. Скупая информация официальных структур и мимолетная «экскурсия» в какую-нибудь часть второго эшелона не могли по понятным причинам удовлетворить журналистов. И они брались за самостоятельный сбор «фактуры». Начинали с местной столовой в Моздоке, где обедали офицеры. В ход шли все байки и небылицы. Иногда офицеры специально сливали «нужную» информацию, были и такие, кто от обиды на что-нибудь или кого-нибудь «невзначай» проговаривался. Но чтобы «сдать» секретные сведения... В это Корнеев не мог поверить.

В репортаже Бергмана, на первый взгляд, ничего особенного не было. Сначала журналист долго и несколько нудно описывал свои мытарства при попытке выбить хоть какую-то информацию от официальных представителей Минобороны, затем живописал свой визит на «передовую», где «только что отшумел ночной бой». «Федералам достались солидные трофеи: совершенно новая бронемашина иностранного производства, три гранатомета, цинки с патронами и несколько килограммов морфия. Как мне пояснили офицеры, наркотики они изымали не раз, но столь внушительная партия им попадает впервые. В эту же ночь был освобожден майор Валиев, накануне захваченный в плен бойцами полевого командира Уразаева».

В конце репортажа Бергман поместил фотоснимок, на котором он в окружении разведчиков красовался на фоне трофейного бронетранспортера. Правда, из-за низкого качества снимка и скученности людей толком рассмотреть технику было практически невозможно. Оставалось только верить журналисту, что «железо», действительно иностранное. Под снимком пояснение, кто есть кто, и обобщенные за месяц цифры потерь по всей российской группировке войск. Они были абсолютно точными, но не совпадали с официальным. Теми, которые озвучивала пресс-служба Министерства обороны.

Причина такого расхождения не была загадкой для Корнеева. По порядку перечисления цифр, некоторым замечаниям нетрудно было догадаться, что их взяли из последней шифротелеграммы из штаба Северо-Кавказского военного округа. Подобные шифротелеграммы регулярно приходят в главк для сведения руководства. Позднее на их основе пресс-служба составляет свое заявление о потерях. Текст заявления после многочисленных утверждений и согласований успеет состариться как минимум на неделю, прежде чем появиться на свет.

С формальной точки зрения цифры, приведенные в материале, явное разглашение военной тайны. В правом верхнем углу шифровки четко значилось короткое, но емкое слово «секретно». И если найти «источник» утечки – можно смело заводить дело и «впясть» виновному лет семь тюрьмы. Но с другой стороны, чисто человеческой, это явно был секрет полишинеля. Кто же не знает, что в Чечне практически ежедневно гибнут солдаты? И большая ли разница, что эти конкретные цифры пресса узнает неделю спустя? Но логика – это одно, а закон – другое.

Корнеев скрутил газету в трубку и спрятал во внутренний карман куртки: надо все еще раз внимательно перечитать, взвесить. Неужели кто-то из наших решил таким способом заработать гонорар себе на пиво? При всей бедности, которая давно уже поселилась в офицерских кошельках, этот вариант Корнееву был особенно противен. Он верил, что по такому же принципу, как и он (пусть бедный, но гордый), живут все окружающие его офицеры.

Но даже если действительно у газеты объявился «свой корреспондент», это еще не повод для столь бурной реакции генерала Скорняжного.

– Почему же наиулыбчивый и наитишайший так озверел? – размышлял Корнеев. – Нет, здесь что-то не так. Завтра обмозгую это дело, а пока – спать. Часика четыре можно себе позволить на отдых и протрезвление, а там за «основную» работу.

4

Ночной полет

Стакан крепчайшего только что сваренного кофе вместо бодрости принес лишь боль в висках и усилил сердцебиение. Корнеев, поживаясь, брел по пустынной улице на автостоянку.

Через большие окна-витрины хорошо был виден пустой зал «Аквариума» – дешевого придорожного кафе. Там, сидя за столом, мужественно боролся со сном охранник. Свою голову, словно Сизиф камень, он с большим трудом поднимал в вертикальное положение, пытался там ее закрепить, но тщетно – она снова скатывалась на грудь, где гордо красовалась нашивка «Security». Через какое-то мгновение все повторялось.

Уличные торговки, напялив на себя с десяток шерстяных колготок, и от этого похожие на полярников, тащили на рынок свои необъятные сумки с товаром. Город, погрузившись на какой-то час в обморочное состояние полусна, вновь пробуждался.

Автостоянка располагалась в десяти минутах ходьбы от дома, где снимал комнату Корнеев. Там по «доброте душевной» знакомый сторож Федор Иванович разрешал в одном из пустующих боксов парковать выдавший виды «жигуленок» Николая. Материальный эквивалент «доброты душевной» чаще всего выражался в бутылке водки и нехитрой закуске. Причем «плата» эта взималась не по количеству дней, которые машина провела на стоянке, а по факту появления владельца. «Семерка» могла неделями пылиться в боксе без оплаты, и дядя Федор (так его звал Корнеев) не промолвит ни слова. Но ни в коем случае нельзя было сдавать машину под охрану без пузыря. Обидится крепко.

Федор Иванович был из тех счастливицков, которые уволились еще из Советской Армии и успели немного пожить на достойную пенсию. Но после «торжества демократии» бывшему командиру мотострелкового полка пришлось осваивать «смежную» профессию сторожа и донашивать остатки своей военной формы. Он носил брюки с красным кантом и неизменно в любую погоду, даже в мороз, выцветшую полевую фуражку старого образца с треснувшим пластмассовым козырьком. Из-под его стеганой фуфайки виднелась старого образца еще зеленая офицерская рубашка. Корнеев как-то предложил Федору Ивановичу почти новый камуфляж, но тот решительно отказался: «В наше время такую форму „натовцы“ носили. Я уж свою, родную донашивать буду».

Пил дядя Федор безмерно, но это как раз и была его мера. Впрочем, под крепким градусом он удивительным образом сохранял способность к логическому мышлению и, что самое главное, «нес боевое дежурство» еще более бдительно. А так как перегаром от него разило постоянно, никто не мог определить, сколько огненной жидкости он влил в себя за время дежурства. Только Корнеев по цвету носа и степени замедления речи дяди Федора мог приблизительно определить: первую бутылку тот начал или уже вторую добывает.

Дядя Федор был склонен пофилософствовать, любил поучать. На его столе всегда лежала стопка пожелтевших газет (где деньги взять на свежие?), но неизменно им прочитанных от названия до подписи главного редактора. На этот счет у него имелось свое мнение: «Вот, скажем, отец меня учил плотно по металлу по всей длине использовать, а не ерзать туда-сюда одним участком. Так и газету, всю надо читать, а не выхватывать куски, точно волк голодный мясо из бока овцы».

Старик благоволил к Корнееву, но свое доброе отношение скрывал за грубоватым словом и ворчанием. На стук в зеленые ворота стоянки дядя Федор отозвался сердитым криком. Командирские нотки в его голосе еще отчетливо звучали.

– Кого это черти принесли среди ночи?

– Дядь Федь, это я, Николай. «Побомбить» надо. Открой.

– Тоже мне «бар... бар... дировщик». Все нормальные люди спят давно, а ты б... катать надумал. Да если бы ты в моем полку служил и додумался «калымить»... Да я бы... Да тебе бы...

Какие кары обрушились бы на его голову, Корнеев не расслышал. Ворота заскрипели ржавыми петлями, и под ноги к нему, виляя хвостом, бросился рыжий пес Кузя. Кузя сразу же начал тыкаться своим мокрым носом Корнееву в руки, обнюхивать карманы, стараясь определить, будет ему сегодня кормежка или нет.

– Кузя, утром будет гостинец, а сейчас, брат, нет ничего.

Это можно было и не говорить, Кузя и так безошибочно все определил, пару раз вежливости ради крутнулся вокруг Корнеева и побежал с лаем на другой конец стоянки.

– Суббота же сегодня. Мог бы и поспать, – уже более дружелюбно заговорил дядя Федор. – Всех денег не заработать, а у тебя вон уже и тени под глазами жизнь навела, как у твоих, прости Господи, пассажиров.

Насчет пассажиров дядя Федор безжалостно бил «ниже пейджера». Корнеева это страшно злило, и на его скулах играли желваки, но он промолчал. От правды никуда не деться.

В это время суток самый выгодный клиент, конечно же, проститутки. Одни уже отработали и возвращались на базу, другие вместе с подвыпившими клиентами из закрывающихся кабаков ехали «оттянуться» в гостиницы и на квартиры. В это же время затихают долбилки ночных дискотек, и ошалевшая от «колес» и грохота молодежь стайками тянется поближе к своему жилью. Но от них навара мало. Набьются в машину под завязку, а платит кто-нибудь один или вообще стараются прокатиться на халяву.

«Бомбить» Корнеев начал года два назад и уже имел опыт. Пару раз ему резали покрышки конкуренты, один раз и вовсе чуть не лишился своего железного коня: помог счастливый случай. В то время, когда Корнеева два бритых качка выкидывали из «жигулей», предварительно плеснув в глаза из баллончика какой-то гадости, мимо проезжала машина милицкого наряда. Ребята в ней ехали честные, не поленились догнать его, как думал Корнеев, уже навсегда упорхнувшую «ласточку».

Кто пробовал, знает: подрабатывать извозом по ночной Москве – занятие далеко не безопасное. Корнеев возил под сиденьем газовый пистолет, но понимал всю его никчемность. От удавки он не спасет, да и стрелять в салоне машины – все равно что под одеялом пукать: вони всем хватит, а толку никакого. Табельного оружия у него не было. Свой «макаров» ему пришлось сдать еще в 1993 году. Тогда, накануне октябрьских событий, никто не знал, на чью сторону встанут офицеры, и было принято решение «упорядочить хранение огнестрельного оружия». Упорядочили следующим образом: собрали и увезли куда-то за город на склады.

Недовольно рыкнув стартером, «семерка» завелась. Приветливо засветилась приборная доска, по-кошачьи заурчал вентилятор печки. В салоне быстро стало тепло и уютно. Запотевшие было стекла – верный признак, что водитель накануне употреблял, – прояснились.

В своей «семерке» (он ласково называл её «ласточкой») Корнеев чувствовал себя настоящим как дома. Ему нравилось все: и запах обивки машины, и монотонный звук работающего двигателя, и то, как на поворотах задорно ему подмигивают зеленые лампочки приборной доски.

Корнееву нужны были деньги, это – факт, но не только из-за них он почти каждую ночь садился за руль «жигуленка». Да, машина кроме денег, создавала ему иллюзию независимости и свободы. Но и это еще была не вся правда.

Дело в том, что в армию Николай ушел в семнадцать лет, и потому запах нового обмундирования на вещевом складе до сих пор ассоциировался у него с чем-то родным и близким, будил в нем почти детские воспоминания.

Он хорошо помнил, как в училище ему в числе счастливицков, выдержавших вступительные экзамены, выдали форму б/у. Само это сокращение звучало по-мужски сурово и романтично. Хотя означало всего лишь: форма, бывшая в употреблении. До обеда Николай успел получить только сапоги. Дверь склада, где ровными рядами стояли стеллажи с коробками самой разнообразной формы, закрылась, словно вход в волшебную пещеру Али-Бабы. Но свою добычу Николай уже не выпускал из рук.

Сапоги были старые, изрядно поношенные к тому же на два размера больше необходимого. Его нога явно ощущала гвозди в подошве, но все это были мелочи, на которые просто не стоило обращать внимание. На обед Корнеев пошел в гражданском костюме, но уже в курсантских сапогах. Он страшно гордился ими и совсем не обижался на град насмешек, которые посыпались на него в столовой от курсантов старшего курса.

Теперь он вспоминал этот эпизод с грустной улыбкой. Но как ни крути, а впервые самостоятельным человеком, крепко стоящим на земле, он ощутил себя именно в этих стоптанных солдатских сапогах сорок пятого размера.

Так вот, вся правда заключалась в том, что машина для Корнеева была своеобразным «аппаратом» познания гражданской жизни. Той жизни, к которой он совсем не был готов и которая непрошеной гостьей стояла у порога его холостяцкой берлоги.

За рулем он черпал новые впечатления, старался внимательно слушать своих пассажиров. Как любому таксисту, Корнееву приходилось говорить с очень разными людьми, выслушивать массу запутанных жизненных историй. Так уж сложилось, что таксисту часто исповедаются в грехах и просто щедро делятся своими проблемами и заморочками. Это и была его «заочная школа» гражданской жизни.

Первого пассажира Корнеев посадил на Каширском шоссе, еще не доехав до основных мест своего промысла. Конечно, самые «нерестовые» места – это вокзалы и аэропорты, но туда лучше не соваться – себе дороже. Там все схвачено, и любого чужака вычислят в одно касание. Поэтому Корнееву приходилось колесить по менее прибыльным маршрутам, где пассажиры «косяками» не ходили и «поклевки» были весьма редкие.

– Командир, на Курский, за полтинник? – к приоткрытому окну наклонился мужчина лет тридцати в дорогом, но мятом плаще. В одной руке у него был пухлый новомодный портфель, в другой – зонтик. Наметанным взглядом Корнеев сразу определил в нем загулявшего командированного.

– Садись. – Корнеев слегка улыбнулся в свои густые усы и подумал: эх, родной, ты в «десятку» попал. У тебя сегодня извозчик – полковник Генерального штаба.

– Никто не останавливается! Блин! Твоя тачка пятая, – пассажир плюхнулся на сиденье и сразу же полез в карман за сигаретами. С его плаща стекала вода. – Я уж думал и ты мимо, а у меня поезд...

Мужик начал тараторить что-то о своих мытарствах, размахивал руками, дымил сигаретой, сыпал, как вулкан Везувий, вокруг себя пепел. Корнеев иногда кивал, поддерживая разговор, а сам думал о своем.

«Этот не опасен. Поддал в меру, не агрессивен, в городе явно не ориентируется. Такой расплатится честно и без фокусов», – мысленно подвел итог своим наблюдениям Корнеев.

Психологический портрет и прогноз дальнейших действий пассажира Корнеев делал каждый раз. После нескольких неприятностей это стало его неременным правилом.

«Жигули» с воем обогнал реанимобиль. Один только пестрый раскрас этой «кареты с того света» вызывал озноб.

– Опять где-то рвануло? – предположил мужик.

– Скорее авария. После дневных пробок водилы пьянеют от свободных дорог и нюх теряют. Гоняют по-черному. А дорога, видишь, какая. – Корнеев кивнул в сторону автомобильных дворников, которые едва справлялись со своей работой.

Предположение Корнеева вскоре самым неожиданным образом подтвердилось. Музыка оборвалась, и диктор «Авторadio», на волну которого постоянно была настроена автомагнитола, сообщил: «Как только что стало известно нашему корреспонденту, в туннеле под Калужской площадью случилась авария. По не установленной пока причине БМВ, за рулем которой находился известный военный корреспондент Бергман, на большой скорости врезалась в опору туннеля. Подробности в следующем выпуске новостей».

Резко притормозив, так что машину слегка занесло, Корнеев перестроился в крайний правый ряд. Он решил свернуть с проспекта Андропова на Нагатинскую набережную и уже по ней выскочить на Калужскую площадь. Высадить в дождь пассажира он не мог, и в то же время везти его сейчас, после этого сообщения, на Курский вокзал не было никакой возможности. Решил: покатаю командированного по ночной Москве, он все равно ни о чем не догадается.

Как и следовало ожидать, перед въездом в туннель уже скопились машины. В сторону Крымского моста можно было двигаться только по крайнему правому ряду со скоростью не более десяти километров в час. Два других ряда занимали разбитая в дым БМВ, машины милиции, пожарных, МЧС и врачей. По обилию мигалок нетрудно было догадаться, что сюда уже подтянулись довольно влиятельные люди.

Авария случилась на самом выезде из туннеля. Судя по тому, что у разбитой еще дымящейся машины никто не суетился, можно было догадаться – спасти уже некого. Корнеев понимал, что никто ему не разрешит здесь ни на минуту остановиться, поэтому максимально сбавил скорость. «Гибон» (так водители окрестили сотрудников ГАИ, переименованной в ГИБДД), матерясь, крутил светящимся полосатым жезлом, подгоняя машины. Корнеев откровенно похерил его призыв: за принижение скорости еще никого не наказывали. Только краешком глаза он следил за дорогой, а все свое внимание сконцентрировал на месте аварии. Он словно фотографировал мельчайшие детали увиденного. Передок БМВ был полностью смят, все, а не только передние стекла в машине были выбиты. На багажнике лежал довольно крупный фрагмент облицовки туннеля, в правой задней дверце зияло несколько отверстий с вывернутыми наружу рваными краями железа. В стороне под дождем, прикрытый черной полиэтиленовой пленкой, лежал труп.

– Такую тачку загубил. Сынок, наверное, чей-нибудь. С жиру бесятся, вот и... – пассажир хотел было развить свою мысль, но Корнеев его резко оборвал.

– Заткнись! – Потом уже тише, миролюбивым тоном добавил. – Извини, земляк. Помолчи, пожалуйста, немного. Я, можно сказать, знал этого человека.

5

Заблудившийся одуванчик

– Девушка, пожалуйста, бутылку «Гжелки», кило вареной колбасы, парочку упаковок вот этого салата, сыр, хлеб и бутылку «Спрайта». – Корнеев сделал свой ставший уже почти традиционным заказ. Еще немного – и этой бледной с усталыми глазами продавщице из магазина «Перекресток» можно будет говорить, как в иностранных фильмах посетитель бара официанту: «Мне, как всегда!» Только вместо киношного мартини со льдом она протянет наш, российский комплект – водку с колбасой.

«Бомбежка» сегодня оказалась неудачной. В кармане Николая мятыми купюрами различного достоинства набралось не более пятисот рублей. Из них надо вычесть деньги на бензин и часть отложить на зимнюю резину. Но все равно, если судить по заработку, трудно было разобраться: то ли он офицер Генерального штаба, в свободное от службы время занимающийся извозом, то ли таксист, который в перерывах между сменами подрабатывает защитой Родины в Генштабе. Если по деньгам судить – выходило второе. Профессия «Родину защищать» давала ему сто рублей в сутки, а извоз – пятьсот за три-четыре часа ночной смены.

Дядя Федор и Кузя, увидев в руках Корнеева пакет, заметно оживились. Федор Иванович, правда, изо всех сил сдерживал свои эмоции. Он тихонько слглатывал слюну, было видно, что его давит «сушняк», но, не торопясь, вел разговор, что да как. Кузя же визжал и гавкал от нетерпения, чуя колбасу.

– Федор Иванович, ты пока сообрази для нас завтрак, а я часок подремлю.

– Опять в машине спать надумал! – сердится дядя Федор. – Не положено по инструкции. Иди домой – там и спи.

– Дядь Федор, ну ты же знаешь, я боец опытный. Движок заводить не буду. В спальник залезу. Ребята из десантуры классный спальник подарили. В нем можно прямо на снегу спать. А домой идти – только время тратить. Да мне у тебя на стоянке и спится лучше – к земле ближе.

– Ладно, считай, что я не видел. – Федор Иванович принял без лишних слов пакет. – Сейчас яичницу мировую с колбасой и гренками сотворю, а ты пока покемарь.

В боксе с верхней полки Корнеев снял большой, изрядно запыленный зеленый брезентовый рюкзак и достал из него спальник. Рюкзак успел выцвести и постареть, но так ни разу и не побывал ни в одном походе. Николай бережно складывал в него всевозможные походные приспособления: тут был и туристический примус «Шмель», и одноместная палатка с противомоскитной сеткой, и наточенный туристический топор, и котелок, и десяток других очень важных и необходимых в походе мелочей. Все эти вещи Корнеев бережно собирал, и каждый год тешил себя надеждой выбраться во время отпуска на Дон. Но в последний момент появлялись какие-либо непредвиденные обстоятельства, и все его планы рушились.

В Воронежской области, в одном из сел на берегу озера, образовавшегося на месте старого русла Дона, прошли самые счастливые дни его жизни. Как раньше донские казаки отпускали бычков на свободный выгул в поле, так родители оставляли Николая на все лето у бабушек. Предоставленный сам себе, он вместе со своими двоюродными братьями вел беззаботную и полную захватывающих приключений жизнь. Ловили рыбу, собирали ягоды и грибы, воровали арбузы с колхозной бахчи, купались, загорали, словом, делали все, что только могли пожелать их мальчишеские души.

Разложив сиденья «жигулей», Николай залез в спальный мешок и закрыл глаза. Несмотря на сильную усталость, сон не приходил. Разноцветные красные круги плыли перед глазами, дорога с какой-то очень замысловатой разметкой бежала и бежала навстречу. Пару раз он

вздрагивал от того, что надо было резко тормозить перед появившимся откуда ни возьмись грузовиком. Нескоро полубредовое пограничное состояние «ни сна, ни бодрствования» сменилось настоящим глубоким сном...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.